

«КАДЕТЫ В ЧАЛМЕ И ТЮБЕТЕЙКЕ»: МУСУЛЬМАНЕ В ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1907 ГГ.

**Надежда
Евгеньевна
Тихонова**

nadezhdatikhonova@yahoo.com

Политическая активизация российских мусульман в 1905–1907 гг. не раз становилась предметом научных трудов за последние 30 лет. Несмотря на широкую осведомленность этого вопроса, исследователи в основном фокусируются на динамике внутри мусульманского сообщества или думской деятельности мусульман. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть этот процесс в широком имперском контексте посредством дискурс-анализа релевантных материалов.

Как известно, в Российской империи не сложилось гомогенной системы управления сословным, поликонфессиональным населением. Период Первой русской революции 1905–1907 гг. показал, что поле публичной политики ввиду сложившейся системы обнаружило существование как минимум двух связанных, но разнонаправленных тенденций, включающих борьбу за социально-политические и национальные права. Представители национальных движений, которым был по своей сути Иттифак, оказались на перепутье этих тенденций, попытавшись совместить их в своих программах. В национальном вопросе программа Иттифака отражала существовавшую систему управления: партия выступала за сохранение, но значительное расширение частичной автономии, которой мусульмане обладали и в предшествующий период. Новым в их требованиях было стремление улучшить условия социальной мобильности мусульман за счет получения доступа более широкого круга лиц, не принадлежащих к числу старых религиозных элит, к непосредственному управлению мусульманским населением. В свою очередь, борьба новых и старых мусульманских элит требовала устранения сословных ограничений, что было переходом от требований национальных к социально-политическим. Таким образом, происходило сближение интересов национальных групп с позицией общероссийских политических партий, в частности кадетов, которые боролись за переустройство сословного общества в гражданско-правовое и были заинтересованы в поддержке как можно более широких масс населения, в том числе национальных меньшинств. Однако уже «Третьеиюньский переворот» заметно пошатнул политический блок кадетов с мусульманами, значительно урезав представительство обеих групп в Государственной думе 3–4-го созывов путем введения нового избирательного закона.

Ключевые слова: Российские мусульмане, Всероссийский мусульманский союз (Иттифак), Конституционно-демократическая партия (кадеты), Государственная дума.

**Надежда Евгеньевна
Тихонова**

кандидат исторических наук,
независимый исследователь,

“KADETS IN TURBAN AND SKULLCAP”: MUSLIMS IN THE FIELD OF PUBLIC POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1905–1907

Nadezhda Ye. Tikhonova

The study of Muslim political activism in 1905–1907 in Russia has been a fruitful topic of research in the last 30 years. However, the scholars are generally focused on intra-Muslim dynamics or Duma activities of Muslims. The present study attempts to contextualize this process in a broad imperial context through discourse analysis of relevant materials.

There was not a homogeneous system of governing an estate-based, multi-confessional population of late-imperial Russia. Given this system, the field of public politics in the scope of the First Russian revolution (1905–1907) revealed the existence of at least two related but heterogeneous tendencies, which included the struggle for socio-political and national rights. The representatives of the national movements, such as Ittifaq, were seeking to combine these tendencies in their programs. On the national question, Ittifaq's program reflected the existing system of governance, advocating the preservation but substantial expansion of the partial autonomy that Muslims had already enjoyed in the previous period. What was new in their demands was the desire to broaden the conditions of social mobility for a wider range of Muslims by granting them the access to power of governing the Muslim population. In turn, the struggle between the «new» and «old» Muslim elites implied the elimination of estates restrictions. These demands were out of the national field but of socio-political one. Thus, there was a common interest between national groups and all-Russian political parties (in particular, the Kadets), which struggled to restructure the imperial political system from an estate-based to a civil society and needed the broadest possible body of electors, including national minorities. However, «Coup of June 1907» questioned the political union of the Kadets with the Muslims, significantly reducing the representation of both groups in the 3rd–4th State Dumas by introducing a new electoral law.

**Nadezhda Ye.
Tikhonova**

PhD, Independent
Researcher,
nadezhdatikhonova@
yahoo.com

Key words: Russian Muslims, all-Russian Muslim Union (Ittifaq), Party of People's Freedom (Kadets), State Duma.

ВВЕДЕНИЕ

Название статьи «Кадеты в чаалме и тубетейке»¹, содержащее цитату из татарской большевистской газеты «Урал» с характеристикой лидеров Всероссийского мусульманского союза (тюрк. «Бютюн Русия мусулманларнын иттифакы», далее — Иттифак), было выбрано не случайно. В нем, на наш взгляд, емко описана атмосфера публичной политики в Российской империи периода 1905–1907 гг., в рамках которой сосуществовало как минимум два взаимно пересекающихся поля: социально-политическое и национальное. В первом из них происходила политическая борьба за изменение существующего государственного строя и гонка за избирателей между политическими партиями *per se*: либералами, монархистами, социалистами и т.д. Для национального же поля был характерен созыв съездов и создание политических союзов по этноконфессиональному принципу, выдвигавших свои узконаправленные национально-культурные требования².

Так, например, в марте 1905 г. в Вильне на съезде еврейских общественных деятелей был создан «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России». В этот период также проходили съезды литовцев (21–22 ноября 1905 г., Вильна), эстонцев (27–29 ноября 1905 г., Юрьев), всеукраинский съезд (июнь 1905 г., Полтава) и т.д. (см., например: Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1911). Представители мусульман не стали исключением в этом всеобщем движении, однако первые два съезда мусульман в августе 1905 г. и январе 1906 г. прошли неофициально: «Ввиду того, что каждой народности правительство разрешало съезжаться и обсуждать свои интересы, и мусульмане обратились было за разрешением, но получили решительный отказ» (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906, с. 5).

«Время это было моментом разгара всевозможных реформ и освободительного движения», — писал один из лидеров российских мусульман Муса Бигиев о 1904 г., говоря о предыстории зарождения Иттифака во введении к его официальному уставу (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906, с. 1). Если следовать логике М. Бигиева, которая во многом совпадает с ходом рассуждения его современников и очевидцев событий, то формирование общественных движений в России было инспирировано общим ходом Русско-японской войны и проведением ряда либеральных реформ «сверху». В частности, в подобном ключе предреволюционный период был охарактеризован и в российской мусульманской газете «Переводчик-Терджиман»³: «Читатели наши знают, что в 1903 году воспоследовал Высочайший Манифест, прочно установивший идею веротерпимости. Указ 12 декабря 1904 г., развив эту великую идею, всемилостейше предначертал многие другие реформы, указанные жизнью» («Важное время», 1905).

Однако главным триггером для активизации непосредственно мусульманской политической жизни, по словам М. Бигиева, стало задержание в Стамбуле в августе 1904 г. си-

1. Именно так татарская большевистская газета «Урал» в 1905 г. охарактеризовала представителей Всероссийского союза мусульман, избравшихся в I Думу в блоке с кадетами (цит. по: Ибрагимов, 1926, с. 161).

2. Платформой, на которой эти поля пересекались и активно взаимодействовали, была Государственная дума. Так, многие представители мусульманской фракции Госдумы I и II созывов состояли в Конституционно-демократической партии и занимали депутатские места между кадетами и Польским колом (подробнее см.: Усманова, 1999).

3. Мусульманская газета «Переводчик-Терджиман» выходила с 1883 по 1918 г. в Бахчисарае. И. Гаспринский — мусульманский просветитель — возглавлял газету до 1914 г., затем она перешла по наследству его старшему сыну Рефату. «Переводчик-Терджиман» издавался параллельными текстами на двух языках: русском и «общетюркском»; это и определило название газеты. «Терджиман» был центральной информационной платформой для обсуждения мусульманского вопроса в Российской империи, другие частные мусульманские периодические издания не могли составить ему конкуренцию до 1905 г.

бирского кадия и публициста Абдурашида Ибрагимова по указанию российского правительства. Это событие, а также последующее конвоирование кадия в Одессу обеспокоило российских мусульманских активистов. Благодаря посредничеству товарищей А. Ибрагимова вскоре был освобожден.

После выхода из-под ареста в сентябре 1904 г. А. Ибрагимов отправился в Санкт-Петербург, где провел ряд встреч с лидерами освободительного движения — вероятно, с лидерами земского движения, впоследствии основавшими Конституционно-демократическую партию, или Партию народной свободы (далее — кадеты). Затем уже в Москве он встретился с одним из видных представителей земцев и будущим соучредителем «Союза 17 октября» (далее — октябристы) М.А. Стаховичем и получил от него «один экземпляр доклада земских деятелей о реформе государственных нужд России». В результате проведенных встреч А. Ибрагимов пришел к выводу, что мусульмане тоже должны принять участие во всеобщем движении, и отправился в Казань, Вятку, Троицк, Уфу и другие города для проведения непосредственных переговоров с лидерами российских мусульман, тем самым положив начало формированию всероссийского мусульманского союза (Всероссийский мусульманский союз. Устав всероссийского мусульманского союза..., 1906, с. 2).

В рамках этого исследования не так важно, откуда у рядового сибирского кадия А. Ибрагимова взялись связи с ключевыми фигурами земского движения России. Более значимым представляется, что факт аффилиации мусульман с видными российскими либералами еще до начала событий 1905 г. подчеркивался в Уставе всероссийского мусульманского союза, изданном в 1906 г. — в пик их взаимного сближения.

История политической активизации российских мусульман в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг. в последние тридцать лет не раз становилась предметом изучения как в рамках более общих трудов по истории российских мусульман (Khalid, 1998; Meyer, 2014; Тупа, 2015), так и в качестве самостоятельного кейса (Исхаков, 1997; Усманова, 2000; Сенюткина, 2006; Meyer, 2009). Несмотря на это, исследователи, за редким исключением, фокусируются на внутренней динамике мусульманского сообщества и его деятельности в рамках Государственной думы. В настоящей статье, в свою очередь, предпринимается попытка рассмотреть этот процесс в широком имперском контексте. Анализ политических документов мусульман уже в первом приближении говорит о том, что стремление создать мусульманскую партию отражало административное устройство империи и было мотивировано не только внутренними, но и внешними стимулами.

Таким образом, цель этого исследования — рассмотреть, как само решение мусульманских лидеров объединить российских мусульман на платформе политической партии, сформированной по религиозному признаку, отражало существовавшую в империи систему управления и насколько оно было созвучно намерениям новых элит сместить старые элиты с их административных позиций. Для достижения этой цели используется дискурс-анализ релевантных материалов. Сопоставительный же анализ применяется, чтобы сравнить политические документы мусульман и кадетов и обозначить ключевые точки их сближения в период выборов в I и II Государственные думы.

Основные источники этого исследования — официальные программы Мусульманской и Конституционно-демократической партий, уставы и протоколы съездов Всероссийского союза мусульман и партии кадетов, а также воспоминания партийных деятелей и материалы мусульманской газеты «Переводчик-Терджиман» (далее — «Терджиман»).

Мусульмане в поздней Российской империи (1880–1910-е гг.)

Пореформенный период 1880-х гг. открывал для мусульман новые социально-экономические и в первую очередь карьерные возможности. Так, введение в России в Эпоху великих реформ 1860–1870-х гг. новых судов с состязательной системой создало более инклюзивную среду для всех сословий и этноконфессиональных групп, включая мусульман. В новой судебной системе мусульмане могли выступать не только сторонами дел, но и судьями, адвокатами, переводчиками. Возможности вертикальной социальной мобильности для них оставались, однако, ограниченными (см., например: Kirmse, 2019).

Городовое положение 1870 г. также расширяло возможности участия мусульман в общественной жизни. И даже несмотря на то что число нехристиан, согласно данному Положению, в Городских думах должно было быть ограничено одной третью, известно, что, например, в Бахчисарайской городской думе в 1881–1884 гг. мусульмане составляли до половины всех гласных (Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года..., 1870, с. 35; «Местные известия», 1883).

В то же время в Российской империи не сложилось единообразной, унифицированной политики в отношении многонационального населения. Существовавшая система признавала и во многом закрепляла культурные различия, однако применялась в отношении разных групп подданных неравномерно и не всегда систематически, при этом большое значение в вопросах социальной мобильности продолжала иметь сословная принадлежность (см., например: Burbank, 2017, pp. 397–431). Так, начиная с 1789 г. для управления российскими мусульманами было последовательно создано четыре духовных правления. Исключение составили только Туркестан и Северный Кавказ: на них деятельность духовных правлений не распространялась. Верховные позиции в этих органах пожизненно занимали мусульмане из числа духовных лиц, и такая ситуация не устраивала молодое поколение мусульман, вышедших из среды дворян и купечества, получивших светское высшее образование и имевших амбиции по занятию позиций с административными ресурсами.

Консолидированным голосом этих постепенно формировавшихся новых элит стал видный мусульманский общественно-политический деятель, просветитель и журналист И. Гаспринский (1851–1914), выступивший в 1880-е гг. со своим социально-политическим проектом для российских мусульман (подробнее см.: Тихонова, 2022).

Одним из ключевых предложений И. Гаспринского от лица новых элит, выражаемых через его газету «Терджиман», была новая структура духовных правлений, при которой во главе стоял бы не муфтий-мулла, а муфтий-администратор. Для И. Гаспринского и его единомышленников эта идея имела стратегическое значение, потому что она потенциально расширяла возможности социальной мобильности той части мусульманского населения — в первую очередь из числа привилегированных сословий, — которая не имела доступа к непосредственному управлению мусульманским населением. В частности, И. Гаспринский писал по этому поводу: «В Персии, Бухаре знание муфтием только духовных наук быть может достаточно; там он лицо духовное и судья духовный, но в России муфтий кроме того гражданский сановник и представитель мусульман перед правительством и судом» («Ответ газете “Зия”», 1883). Помимо этого, еще задолго до 1905 г. И. Гаспринский выступал за расширение круга лиц, допущенных к выборам Таврического муфтия, которого затем утверждал в должности император. И. Гаспринский предлагал дополнить выборщиков из дворян, духовных лиц и старшин от сельского населения представителями купцов 1-й

и 2-й гильдии, а также городскими и земскими гласными из числа мусульман («Важная инициатива», 1883). В этой же связи продвигалась идея о необходимости замены пожизненного избрания кади-аскеро́в и кадиев 5-летним сроком их службы.

После 1905 г. подобные предложения последовательно трансформировались в требование всеобщих выборов муфтия на 5-летний срок с возможностью его смещения, если он не удовлетворяет требованиям должности («Записка казанских мусульман», 1905). Более того, И. Гаспринский и другие члены Всероссийского союза мусульман предлагали сохранить, но существенно реформировать духовные правления как институт, унифицировав их и передав контроль над ними из ведения государства в руки мусульманского населения, тем самым предоставив мусульманам «национально-культурную автономию» (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906). Параллельно идея о консолидированном стремлении мусульман реформировать духовные правления систематически проводилась в этот период в «Терджимане» и других новообразованных мусульманских периодических изданиях («Крымско-мусульманское собрание», 1905).

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. стремление И. Гаспринского создать новую элиту из числа образованных мусульман совпало с аналогичной тенденцией внутри российского мусульманского сообщества. Как отмечает Дж. Мейер, в этот период существовало несколько богатых татарских купеческих семей (Акчурины, Рамиевы и др.), которые стремились стать новой элитой, действующей от имени российских мусульман. Они стремились постепенно заменить старую религиозную элиту, которая в подавляющем большинстве случаев выступала прямым посредником в отношениях между мусульманским населением и властями (Meуer, 2014, с. 52–61). Материалы «Терджимана», в частности, подтверждают, что еще до 1905 г. были случаи, когда мусульманские купцы занимались передачей мусульманских петиций властям в обход духовных правлений («Из Оренбурга», 1889).

Отсюда и популяризация И. Гаспринским дискурса о формировании мусульманской интеллигенции, призванной стать авангардом общины, то есть новой элитой (подробнее см., например: Туна, 2017). Своего апогея эти идеи достигли в 1905–1907 гг., когда И. Гаспринский и его единомышленники попытались создать мусульманскую партию, претендовавшую на то, чтобы выступать на политической платформе Государственной думы от имени всех российских мусульман.

ИТТИФАК КАК ЕДИНАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

На начальном этапе деятельности в 1905 г. мусульманские политические активисты, возможно, по примеру представителей земского движения, инициировавших в конце 1904 г. т. н. банкетную кампанию, использовали неформальные мероприятия для кулуарного обсуждения политических вопросов. Так, одна из первых предварительных встреч будущего Иттифака состоялась в Чистополе в квартире шейха и мударриса М.-З. Камалова во время церемонии бракосочетания его дочери и Мусы Бигиева весной 1905 г. (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906, с. 3). Впоследствии А. Ибрагимов написал об этом собрании заметку в газете «Терджиман», тем самым популяризовав подобный формат мусульманских сборищ («Чистопольская свадьба», 1905). В то же время даже первый всероссийский съезд мусульман в Нижнем Новгороде в августе 1905 г. не был разрешен официально, поэтому прошел в формате речного круиза, получившего впоследствии наименование «меджлис на воде» (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906).

Решение мусульманских активистов организовать платформу, объединяющую всех российских мусульман в партию по конфессиональному признаку, отражало существовавшую в империи систему управления. Согласно ей мусульмане и другие этноконфессиональные группы управлялись посредством духовных правлений. Как отмечал в 1906 г. один из лидеров Иттифака Юсуф Акчури: «Даже при централизованно-самодержавном режиме мусульмане пользовались в религиозно-гражданском отношении некоторым образом автономией, которую мусульмане всеми силами стараются удержать и по возможности расширить» (Съезды и конференции..., с. 160).

В этот период у мусульман различных политических убеждений присутствовала решимость консолидированно использовать предоставленные революцией возможности для улучшения своих административных условий как особой группы подданных. Так, весной—летом 1905 г. мусульмане из разных регионов империи направляют в Санкт-Петербург делегации для передачи своих петиций. К примеру, крымская делегация во главе с И. Гаспринским посетила Санкт-Петербург в мае 1905 г. и провела встречи с председателем Совета министров С. Ю. Витте, министром просвещения В. А. Глазовым, министром внутренних дел А. А. Булыгиным, военным министром В. Д. Сахаровым, председателем комиссии по делам печати Д. А. Кобеко (см.: Терджиман, 1905, № 41—45).

В этом контексте I съезд Иттифака был организован как площадка для того, чтобы все российские мусульмане могли сформулировать требования коллективно, без ощутимого разделения на группы по интересам. Он состоялся в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде во время Макарьевской ярмарки и собрал, по подсчетам участников, порядка 1000 мусульман со всей Российской империи, включая публицистов, купцов, правоведов и членов духовных правлений. Двести делегатов и председатель И. Гаспринский были свободно избраны. Поскольку они не имели официального разрешения на проведение съезда, пришлось арендовать паром, чтобы провести собрание. Как впоследствии указывал сам И. Гаспринский, его роль заключалась прежде всего в том, чтобы определять ход дискуссий и выступать простым модератором. Тем самым он подчеркивал независимость участников в принятии решений и их внутреннюю солидаризацию вне зависимости от позиции лидеров мнений, одним из которых был он («Мусульманский митинг», 1905).

На этой встрече делегаты составили резолюцию, включающую 5 пунктов: необходимость всесторонней солидаризации всех российских мусульман в политических и культурных вопросах; участие мусульман в законодательном процессе, а именно в деятельности Государственной думы; уравнивание мусульман в правах с русскими; модернизация мусульманской общины; создание местных отделений Иттифака в разных регионах империи. Делегаты также решили сотрудничать с кадетами по вопросам переустройства политической системы. Уже эта резолюция показывает, что мусульмане разграничивали свои внутренние национальные требования от общеимперских и стремились тем самым включиться в два разных поля политической борьбы: национальное и социально-политическое.

После провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. последовал ряд собраний мусульман на местах, представителем этих встреч в Крыму был избран И. Гаспринский. В ходе собраний мусульмане были ознакомлены с содержанием и значением Октябрьского манифеста, программами различных общероссийских политических партий (либеральной, консервативной, социалистической), а также с решениями I съезда Иттифака. Участники договорились добиваться пропорционального представительства мусульман

в будущих Государственных думах (кроме 1-й, поскольку порядок выборов уже был определен), устранения всех конфессиональных ограничений, наделения их правами на имущество вакфов, лесов и т.д., а также обсудить вопрос об обновлении духовных управлений. И. Гаспринский характеризовал свою роль на этих встречах подобно председательству на I съезде Иттифака — как рядового модератора дискуссий, т.е. опять же подчеркивал независимость участников в принятии решений и общую солидарную позицию крымских мусульман с другими мусульманами империи («Мусульманский митинг», 1905).

На II съезде Иттифака в Санкт-Петербурге в январе 1906 г. делегаты условились о преобразовании мусульманского союза в политическую партию, устав и программа которой были разработаны прямо на месте. Эта партия должна была иметь зонтичную структуру с отделениями в 16 округах, определенных в уставе (среди них — Крым, Кавказ, Уфа, Оренбург, Туркестан, Москва, Санкт-Петербург, Сибирь, Верхнее и Нижнее Поволжье и т.д.). В качестве высшего партийного органа был назначен Всероссийский мусульманский съезд, который должен был собираться ежегодно в августе (Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза..., 1906, с. 5–7).

На этом этапе Иттифак еще представлял собой всеобщее движение мусульман, стремясь привлечь максимальное количество сторонников. Как отмечает Дж. Мейер, «сотрудничая с лидерами духовных собраний и открывая двери партии для людей как слева, так и справа, которые не всегда соглашались с их позицией, лидеры Иттифака создали движение, имевшее значительную привлекательность для мусульман самого разного идеологического, профессионального, классового и регионального происхождения» (Meyer, 2009, pp. 16–17). Однако этот дух коалиции и консенсуса не продлился дольше единственного официального III съезда, прошедшего в августе 1906 г. в Нижнем Новгороде.

Уже решения III Всероссийского мусульманского съезда свидетельствуют о том, что Иттифак как союз представлял прежде всего интересы т.н. мусульман-прогрессистов (джадидов)⁴, видевших свою миссию в том, чтобы возглавить это движение. Так, одно из семи принятых постановлений съезда было посвящено унификации образовательной системы российских мусульман по новому методу (тюрк. *усул-и джадид*⁵), активно продвигаемому И. Гаспринским и его единомышленниками еще с 1880-х гг. (Всероссийский мусульманский съезд, с. 2–7).

Состав избранного участниками съезда Центрального комитета Иттифака также подтверждает этот тезис. Так, в ЦК вошли 15 представителей мусульман, большинство из которых были джадидами: Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчурин, Али Мардан-бек Топчибашев, Садретдин Максудов, Мустафа Давидович и другие (Всероссийский мусульманский съезд, с. 13).

Впоследствии, к слову, когда Иттифак так и не сумел добиться официальной регистрации, в «Терджимане» проводилась кампания по привлечению мусульман из разных регионов страны ко вступлению в общества мусульман-прогрессистов (тюрк. тераккиюн ислам джемиети), которые потенциально могли бы заместить собой политическую мусульманскую партию («Примерный Устав такого-то общества мусульман-прогрессистов

4. Мусульмане-прогрессисты и джадиды — это самоназвание представителей нарождающейся мусульманской интеллигенции, которые поддерживали идеи И. Гаспринского о необходимости реформирования образовательной (*усул-и джадид*) и административной (духовные правления) системы для российских мусульман.

5. Новый метод (*усул-и джадид*) преподавания в мектебах подразумевал внедрение звукового метода при обучении чтению и письму на тюркских языках на арабской графике, а также введение общеобразовательных дисциплин (математика, география, история, русский язык) в дополнение к религиозным предметам. В контексте медресе новый метод приобрел значение секуляризации и профилизации учебной программы.

(Тераккиюн ислам джемиети)», 1907). Удалась ли реализация этой инициативы и насколько она была успешна, вопрос отдельного исследования. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание в первую очередь на название общества, в котором заключалась идея объединения по принципу принадлежности к прогрессистам.

Ключевое политическое значение при этом имели два других постановления III съезда: о создании мусульманской партии и об унификации и реорганизации духовных правлений. Они отражали желание новых элит (мусульман-прогрессистов) изменить в свою пользу существовавшую систему управления мусульманами, чтобы иметь возможность занимать ключевые позиции в этих реформированных правлениях (Всероссийский мусульманский съезд, 1906, с. 8–10).

Согласно постановлениям III съезда, полномочия духовного правления мусульман (*махкама-и-исламия*) должны были сводиться к «религиозной, духовно-учебной и благотворительной» сферам (Всероссийский мусульманский съезд, 1906, с. 8–9). Правовая функция реформированных духовных правлений в потенциале открывала карьерные возможности для мусульман с юридическим образованием, поскольку, согласно постановлениям съезда, к каждому региональному отделению духовного правления должен был быть приставлен юрист-консультант из числа мусульман. Таким образом, Иттифак стремился стать силой, способной играть ту посредническую роль между мусульманскими подданными и официальными властями, которую традиционно с 1789 г. исполняли духовные правления мусульман.

При этом в целом в своей программе Иттифак выступал лишь за частичное преобразование существующей системы государственного управления, поскольку логика выделения мусульман в отдельную группу подданных при выдвижении политических требований и запрос на сохранение особых условий управления ими в гражданских и духовных делах фактически отражали существовавшую в тот период в империи систему. Новшеством относительно сложившейся системы управления в требованиях Иттифака было стремление получить равные для всех сословий возможности при занятии официальных позиций.

В частности, в 10-й статье программы мусульманской партии предлагалось гарантировать всем российским гражданам, включая мусульман, равные условия для занятия любых гражданских, военных и прочих государственных и общественных должностей (Программа Мусульманской партии, 1907). Таким образом, не только национальные, но и сословные ограничения, которые не были полностью устранены Великими реформами 1860–1870-х гг. и до определенной степени сохранялись до ноября 1917 г., очевидно, ощущались представителями Иттифака как серьезное препятствие для развития общественно-политической жизни и их участия в ней.

Примечательно, что программа мусульманской партии формально была предварительно принята общим голосованием на III съезде Всероссийского союза мусульман, хотя в действительности не обсуждалась публично. Представители ЦК объясняли эту ситуацию тем, что «детальное обсуждение этой программы, состоящей из 75 пунктов, из коих большинство касается весьма кардинальных вопросов общественно-государственной, просветительской, религиозной, экономической жизни, не представляется возможным на многолюдном съезде, который в таком случае затянулся бы еще на 4–5 дней» (Всероссийский мусульманский съезд, 1906, с. 12).

В первой статье программы говорилось: «Партия ставит своей задачей объединить в одной общей практической деятельности *всех граждан-мусульман России, единомыш-*

ленных по своим политическим убеждениям, для проведения в жизнь ряда политических, экономических, социальных, религиозных и др. реформ» (Программа Мусульманской партии, 1907). Остальные статьи при этом выражают требования от лица российских мусульман как консолидированной группы. Тем самым в своей партийной программе руководство Иттифака подчеркивало, что в авангарде партии стоят люди определенных политических взглядов (мусульмане-прогрессисты), которые взяли на себя задачу представлять требования всех российских мусульман в едином ключе.

В итоге проект единой мусульманской партии так и не был реализован. Уже на III съезде против решения о ее создании выступили, в частности, молодые мусульмане-социалисты Фуад Туктаров, Гаяз Исхаки и другие. Они поставили под сомнение сам принцип политического объединения по конфессиональному признаку, а не по социально-классовому (см.: Усманова, 2000, с. 135). Раскол произошел впоследствии и внутри мусульманской фракции Государственной думы, которая фактически была «голосом» Иттифака в парламенте: *«Говорят, что часть наших депутатов в форме особой “группы” отходит влево не только от нашей, но и от партии народной свободы. Очень грустно, если это окажется правдой. В этом случае группа останется в стороне от нашего народа, а фракция ослабленной»* («Мусульманская фракция Государственной думы», 1907).

Несмотря на отделение мусульманской трудовой группы от мусульманской фракции, серьезной межпартийной борьбы внутри мусульманского сообщества не могло быть до 1913 г., пока единственной силой, претендовавшей на роль политической партии для мусульман, был Иттифак. Однако в 1913–1914 гг. лидеры т.н. консервативных мусульманских кругов из числа духовных лиц обратились к властям с просьбой создать всероссийский мусульманский союз «Сират аль-Мустахим» («Прямой путь»), который был официально зарегистрирован весной 1914 г. (подробнее см.: Усманова, 1999). Появление конкурирующей партии, очевидно, затрагивало сам принцип существования Иттифака, который видел своей миссией представительство мусульман в политическом поле как единой группы. В частности, один из лидеров мусульман-прогрессистов И. Гаспринский выражал свое отношение к «Сират аль-Мустахим» следующим образом: *«Представители мусульман со всей России, которые собрались со всех концов, решили однажды, что у нас есть единственная партия под названием “Всероссийский союз мусульман”, программа этой партии отражает желание каждого мусульманина. Других партий, кроме этой, народ не признает, не знает и не хочет. <...> Нельзя предполагать, чтобы кто-либо из мусульман записался в члены такой партии, как “Сират аль-Мустахим”, которая в корне ошибочна своими промахами и слабостями»* («Гаспринский ве Топчибашев фикри», 1914).

Примечательно, что еще за несколько лет до создания «Сират-аль Мустахим» на фоне усилившейся национализующей политики центра в период премьерства П.А. Столыпина в 1906–1910 гг. И. Гаспринский в «Терджимане» попытался более жестко сформулировать свою позицию о необходимости всеобщей консолидации мусульман. Так, после своего визита в Санкт-Петербург в 1910 г. он писал в газете: *«Во-первых, немедленно, сразу же необходимо отказаться от таких обозначений, как “традиционализм” (эскиджилик), “обновленчество” (джадидджилик), “религиозная ученость” (улемалык), “просвещенность” (зияллылык), и работать вместе, в ногу с обеими сторонами»* («Петербургдан не кетюрдими?», 1910).

Таким образом, мусульмане-прогрессисты, объединенные вокруг Иттифака, были той силой, которая с особой остротой ощущала необходимость всеобщего политического

объединения мусульман, в том числе ввиду стремления заместить старые элиты в их посреднической роли между властями и мусульманским населением. Представители «Сират аль-Мустахим» из числа духовных лиц и без того обладали административными ресурсами, а само создание этой партии в 1914 г. говорит, скорее, о стремлении властей поддержать тенденцию к дезинтеграции среди мусульман на фоне усиления конспирологических теорий об угрозе панисламизма (о дискурсе панисламизма в поздней Российской империи см., например: Бессмертная, 2018). В то же время мусульмане-социалисты не составляли непосредственной конкуренции Иттифаку в поле партийной борьбы, поскольку не стремились создать собственную партию для мусульман, хотя и они попытались отделиться от мусульманской фракции в рамках деятельности Государственной думы.

Если до III съезда мусульман в 1906 г. можно было предполагать, что они едины, то последующий период четко показал тенденцию к дезинтеграции, которая после Февральской революции 1917 г. вылилась в дебаты между т. н. федералистами и унитаристами на Всероссийском мусульманском съезде, состоявшемся в Москве в том же году. У Иттифака была консолидированная позиция относительно политического будущего мусульман в России, его представители в течение всего межреволюционного периода 1905–1917 гг. продолжали последовательно продвигать идею предоставления мусульманам национально-культурной автономии. В отличие от них, делегаты последнего мусульманского съезда отчетливо разделились на две генеральные траектории: одни отстаивали территориальную автономию российских мусульман, другие — нетерриториальную (национально-культурную) (Bospflug, 2017).

В этом смысле в 1905–1907 гг. в условиях отсутствия непосредственных нишевых конкурентов в политическом поле Иттифак представлял собой, по сути, национальное движение, которое стремилось объединить всех мусульман в их общественно-политических требованиях и было открыто для союзов с различными политическими силами, схожими по убеждениям в вопросах социально-политического переустройства империи.

МУСУЛЬМАНЕ И КАДЕТЫ

«**К**адетская программа есть не еврейская, а общерусская культурная народная программа, почему и льнут к ней все народности, населяющие Россию. Правда, мусульмане имеют собственную программу, но из всех других программ они считают программу партии народной свободы наилучшей», — писал в 1907 г. в «Терджимане» И. Гаспринский («Что нужно Новому Времени?», 1907).

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. Партия народной свободы была той платформой, на которой объединялись представители различных национальных движений. Так, в числе учредителей кадетской партии был видный еврейский политический деятель М. М. Винавер, который также был членом «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Кроме того, один из лидеров Иттифака Ю. Акчурин был представителем Казанского комитета кадетов, а впоследствии — членом ЦК Конституционно-демократической партии (избран на III съезде в 1906 г.) (Конституционно-демократическая партия. Съезд (3; 1906; Петербург)..., 1906, с. 176).

Уже на I съезде мусульмане обсуждали, с какой партией следует солидаризироваться на выборах в I Государственную думу, и остановили свой выбор на кадетях. Как отмечал И. Гаспринский, «единодушное решение съезда [первого съезда Иттифака] признало

пользу совместной работы мусульман с лучшей частью русского общества, воплощенной в его либеральной фракции» («Мусульманский митинг», 1905).

Эту позицию поддерживали мусульмане из разных регионов, а также в Крыму и Казани («Мусульманский митинг», 1905). В частности, во многом благодаря голосам крымских мусульман представитель кадетов князь Владимир Оболенский был избран депутатом I Государственной думы от Таврической губернии, хотя ни одного мусульманского депутата от Крыма в I Думу не было избрано. При этом 14 из 25 депутатов-мусульман от других регионов в I Думе были представителями кадетов (Усманова, 1999, с. 139–140).

По воспоминаниям В. Оболенского, во время выборов в I Думу крымские мусульмане были весьма мотивированы и широко представлены в качестве избирателей, в отличие от довольно индифферентных русских. Как отмечал В. Оболенский, их призвали голосовать за кадетов по указанию Иттифака и они успешно справились с этой задачей (Иванченко, 2008, с. 118–127). Когда В. Оболенский отправился в Санкт-Петербург для участия в заседаниях I Думы, на вокзале его встретили представители мусульман, которые попросили его должным образом представлять мусульманский вопрос в парламенте («Къырым хабберлери. Акмесджит», 1906). То есть в тот период кадеты воспринимались мусульманами как их непосредственные думские представители.

Как отмечал впоследствии в воспоминаниях лидер кадетов Павел Милюков, мусульмане в годы революции в целом занимали умеренную политическую позицию, «следуя идеалам прогрессивной части русского общества», и избирали своих представителей в I–II Думы на платформах общероссийских политических партий, прежде всего кадетов. Кроме того, по его точному наблюдению, требования различных национальных движений в революционный период 1905–1906 гг. сводились в основном к «национально-культурной автономии» (Милюков, 1925, с. 170–171).

Национальные движения, такие как Иттифак, стремились использовать Думу в первую очередь как политическую площадку для выдвижения национальных требований. Для прохождения в Думу им был необходим политических союзник, которым благодаря своей многообещающей либеральной программе стала партия кадетов. Другие думские партии, кроме левых, национальный вопрос в своих программах вообще не затрагивали. Главным недостатком социалистов, в свою очередь, было непризнание партийного объединения, построенного на любом ином принципе, кроме классового.

Хотя сближение мусульман с кадетами сами лидеры Иттифака объясняли общей либеральной линией Партии народной свободы, главным вопросом, привлекавшим мусульман, был, по всей видимости, национальный. В частности, по словам Ю. Акчурина, участники региональных собраний мусульман нашли программу кадетов наиболее приемлемой при условии внесения в нее некоторых улучшений, соответствующих конкретным предложениям мусульман (Съезды и конференции..., с. 159).

Так, 11-я статья программы кадетов гласила: «Конституция Российской империи должна гарантировать всем народам, населяющим империю, помимо полного гражданского и политического равноправия всех граждан, право свободного культурного самоопределения, как-то: полную свободу употребления различных языков и наречий в общественной жизни, свободу основания и содержания учебных заведений и всякого рода собраний, союзов и учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой национальности, и т.д.» (Съезды и конференции..., с. 162). По сути, делегаты III съезда мусульман в постановлениях детализировали 11-ю статью

кадетской программы требованиями, непосредственно касающимися мусульман (Всероссийский мусульманский съезд, 1906).

Представители различных национальных движений, в частности Иттифака, выдвигали в качестве своей политической программы не только узконаправленные этноконфессиональные требования, но и получение равных социальных возможностей. Помимо национального вопроса, их сближению с кадетами способствовала сама двойственность имперской системы управления. Сложившаяся еще в период правления Екатерины II (1762–1796), она подразумевала сосуществование строгой сословной дифференциации в условиях многонациональности населения. В этой связи программа либеральной кадетской партии, которая выдвигала требования о переустройстве общественно-политического строя России с целью его перехода от сословно обусловленного подданства к гражданству в правовом смысле, была созвучна интересам лидеров Иттифака. Они стремились устранить сословные ограничения, чтобы расширить возможности социальной мобильности мусульман.

Так, программа мусульманской партии, которая, с одной стороны, выступала за сохранение этноконфессиональной специфики мусульман в вопросах административного управления, с другой стороны, основывалась на программе кадетов при выдвижении требований об устранении сословного неравенства и почти дословно повторяла ее по вопросам политического строя Российской империи (конституционно-парламентская монархия), местного самоуправления, правовой системы, государственных финансов, аграрному и рабочему вопросам (см.: Программа Мусульманской партии, 1907; Конституционно-демократическая партия. Программа партии Народной свободы..., 1917).

Примечательно, что на II съезде кадетов в январе 1906 г. участники, опираясь на предложения Ю. Акчурина от лица российских мусульман, постановили сформулировать особый устав об избирательных правах мусульманок (Съезды и конференции..., с. 158). Другие предложения Ю. Акчурина были признаны Центральным комитетом соответствующими официальной программе, но их не приняли как руководство к действию (Съезды и конференции..., с. 160–161). Таким образом, на начальном этапе политической деятельности мусульман и кадетов явно прослеживается взаимный интерес: конституционные демократы даже были готовы принимать отдельные узкие требования национальных групп.

После «Третьеиюньского переворота» союз мусульман с кадетами пошатнулся из-за сильно изменившихся политических условий. В частности, обновленный избирательный закон значительно урезал представительство национальных и либеральных элементов в Думе и тем самым снизил обоюдную заинтересованность кадетов и представителей национальных движений. Если во II Думе было 36 мусульманских депутатов и 98 кадетов, то III Дума с 9 мусульманскими депутатами и 54 кадетами уже не представляла собой прежнюю платформу, на которой обе стороны могли выступить заметной поддержкой друг другу.

Так, согласно официальному отчету ЦК Конституционно-демократической партии, Ю. Акчурин уже летом 1907 г. покинул кадетскую партию «вследствие вступления в мусульманскую конституционную партию» (sic!) (Конституционно-демократическая партия. Центральный комитет..., 1907, с. 5). Кроме того, и другие лидеры Иттифака стали впоследствии все чаще критиковать национальную политику кадетов. В частности, в 1908 г. «Терджиман» писал по этому вопросу следующее: «Весьма возможно, что культурный славянский съезд, объединив разномыслящих политиков, даст начало „национал-либеральной

русской партии“ на смену октябристской и кадетской партий. Мусульмане-кадеты обязаны предвидеть возможность такой знаменательной метаморфозы...» («Ячейка национал-либеральной партии», 1908).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Российской империи еще во времена Екатерины II сложилась двойственная политическая система управления подданными, в рамках которой сохранялась значимость как сословной, так и этноконфессиональной принадлежности. Эта система с некоторыми изменениями, внесенными Великими реформами 1860–1870-х гг. и Манифестом 17 октября 1905 г., просуществовала вплоть до ноября 1917 г. В этой связи, когда в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг. в стране активизировались различные общественно-политические силы, в поле публичной политики обнаружились как минимум две взаимосвязанные, но гетерогенные тенденции: 1) борьба за устранение сословных ограничений и введение гражданских свобод; 2) борьба за права национальных меньшинств. Представители национальных движений, в частности Иттифака, оказались на перепутье двух этих тенденций, выдвигая политические программы. С одной стороны, они стремились к удовлетворению собственных узконаправленных этноконфессиональных требований (реформа национального образования, духовных правлений и т.д.), а с другой — к равноправному участию в общественно-политической жизни империи, которое, как исторически сложилось, было обусловлено сословной принадлежностью (ср., например, сословный ценз по избирательному закону).

С другой стороны, стремление создать мусульманскую партию отражало намерение лидеров Иттифака использовать поле публичной политики в своей борьбе со старыми религиозными элитами, в руках которых, согласно существовавшей системе управления, были сосредоточены ключевые административные ресурсы. Реализация этой цели требовала как можно более полной консолидации внутри мусульманского сообщества и, соответственно, реформы и унификации духовных правлений мусульман. В то же время борьба новых и старых мусульманских элит подразумевала устранение сословных ограничений, что уже переходило из поля национальных требований в поле социально-политических.

Во время выборов в I–II Государственные думы представители национальных движений, образовавших свои союзы и неофициальные партии, обнаружили общие интересы с деятелями общероссийских политических партий, выступавшими за переустройство политического порядка империи и переход от сословного общества к гражданско-правовому. Эта ситуация стала отправной точкой сближения, в частности, кадетов с мусульманами-прогрессистами в 1905–1907 гг.

Однако уже «Третьеиюньский переворот», после которого был изменен избирательный закон и мусульмане с кадетами заметно потеряли квоту мест в Государственной думе, стал моментом постепенного распада их политического союза. Несмотря на тенденцию к разобщению, отдельные мусульмане сохранили свою политическую лояльность кадетам, но после июня 1907 г. это были скорее частные политические взгляды отдельно взятых мусульман, нежели взаимная политическая заинтересованность двух сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Местные известия. (1883, 29 мая). Терджиман.
 Из Оренбурга. (1889, 16 января). Терджиман.
 Важное время. (1905, 11 марта). Терджиман.
 Чистопольская свадьба. (1905, 7 июня). Терджиман.
 Мусульманский митинг. (1905, 31 октября, 2 ноября). Терджиман.
 Кырым хаберлери. Акмесджит. (1906, 21 апреля). Терджиман.
 Примерный Устав такого-то общества мусульман-прогрессистов (Terakkiyun islam cemiyeti). (23 ноября, 27 ноября, 30 ноября, 4 декабря, 7 декабря, 11 декабря, 14 декабря, 18 декабря, 1907). Терджиман.
 Что нужно Новому Времени? (1907, 19 марта). Терджиман.
 Мусульманская фракция Государственной думы. (1907, 19 марта). Терджиман.
 Ячейка национал-либеральной партии. (1908, 22 апреля). Терджиман.
 Петербургдан не кетюрдим? (1910, 5 марта). Терджиман.
 Гаспринский ве Топчибашев фикри. (1914, 20 февраля). Йолдыз.
 Всероссийский мусульманский съезд (16–21 августа 1906). (1906). Казань: б. и.
 Всероссийский мусульманский союз. Устав Всероссийского мусульманского союза: принят во втором Всероссийском съезде мусульман, 1906 г. г. Санкт-Петербург. (1906). СПб.: б. и.
 Иванченко, А. В. (Ред.). (2008). Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы). М.: б. и.
 Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года. Городовое положение с объяснениями. (1870). СПб.: Хоз. департ. МВД.
 Конституционно-демократическая партия. Программа партии Народной свободы (конституционно-демократической) [принята на учредительном съезде партии 18 октября 1905 г.; изменения внесены на 2-м съезде 5 января 1906 г. и на 7-м съезде 25 марта 1917 г.] (1917). М.: б. и.
 Конституционно-демократическая партия. Съезд (2; 1906). Протоколы 2-го Съезда 5–11 января 1906 г. и Программа. (1906). СПб.: Тип. т-ва Общественная польза.
 Конституционно-демократическая партия. Съезд (3; 1906; Петербург). Протоколы 3-го Съезда партии Народной свободы (Конституционно-демократической). (1906). СПб.: Тип. т-ва Общественная польза.
 Конституционно-демократическая партия. Центральный комитет. Отчет Центрального комитета Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) за два года с 18 октября 1905 г. по октябрь 1907 г. (1907). СПб.: Тип. т-ва Общественная польза.
 Милуков, П. Н. (1925). Национальный вопрос (Происхождение национальности и национальные вопросы в России). Прага: Свободная Россия.
 Первая государственная дума (алфавитный указатель, подробные биографии и характеристики членов). (1906). М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина.
 Потресов А., Маслов П., Мартов Л. Общественное движение в России в начале XX в. Т. 4. Ч. 2. Кн. 7. (1911). СПб.: Тип. т-ва Общественная польза.
 Программа Мусульманской партии. (1907). СПб.: б. и.
 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. (1997). М.: Российская политическая энциклопедия.
 Ответ газете «Зия». (1883, 12 октября). Терджиман.
 Важная инициатива. (1883, 8 мая). Терджиман.
 Записка казанских мусульман. (1905, 15 марта). Терджиман.

Крымско-мусульманское собрание. (1905, 23, 25 ноября). Терджиман.
Мусульманская фракция Государственной думы. (1907, 19 марта). Терджиман.

Исследования

Бессмертная, О. Ю. (2018). «Алые розы Востока»: «панисламизм», ориентализм и шпиономания в последние мирные годы Российской империи. Разведывательная империя? *Шаги/Steps*, 4(1), 9–44.

Ибрагимов, Г. Г. (1926). Татары в революции 1905 г. Казань: Гос. Изд-во ТССР.

Исхаков, С. М. (1997). Общероссийская партия мусульман. История национальных политических партий России: Материалы конференции, 214–239.

Сенюткина, О. Н. (2006). Третий съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Нижний Новгород: Изд-во НИМ «Махинур».

Тихонова, Н. Е. (2022). Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи. *Minbar. Islamic Studies*, 15(3), 604–620.

Усманова, Д. М. (1999). Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань: Мастер-лайн.

Усманова, Д. М. (2000). История несостоявшегося альянса: к вопросу о взаимоотношениях мусульман с российскими либералами в Конституционный период. *Ab imperio*, 3(4), 127–158.

Усманова, Д. М. (2014). Всероссийские мусульманские съезды 1905–1907 гг. и образование мусульманского союза «Иттифак аль-муслимин». В кн.: История татар с древних времен в семи томах. Т. VII. Татары и татарстан в XX – начале XIX вв. (с. 78–83). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Bospflug, E. (2017). The Muslim “Federalist debate” in Revolutionary Russia. *Ab Imperio*, 1(4), 131–162.

Burbank, J. (2017). “An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire”. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(3), 397–431.

Khalid, A. (1998). The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press.

Kirmse, S. (2019). The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press.

Meyer, J. (2009). Division and alliance: mass politics within Muslim communities after 1905. Washington: National Council for Eurasian and East European Research, University of Washington.

Meyer, J. (2014). Turks across empires. Oxford: Oxford University Press.

Tuna, M. (2015). Imperial Russia’s Muslims. Islam, empire, and European modernity. Cambridge: Cambridge university press.

Tuna, M. (2017). “Pillars of Nation”: The Making of a Russian Muslim Intelligentsia and the Origins of Jadidism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18(2), 257–281.

REFERENCES

Sources

- Mestniye izvestiia. (1883, May 29). Terjiman.
 Iz Orenburga. (1889, January 16). Terjiman.
 Vazhnoye vremia. (1905, March 11). Terjiman.
 Chistopolskaya svad'ba. (1905, June 7). Terjiman.
 Musul'maskii miting. (1905, October 31, November 2). Terjiman.
 Qirim haberleri. Akmescid. (1906, April 21). Terjiman.
 Primernii Ustav takogo-to obshchestva musul'man-progressistov (Terakkiyun islam cemiyeti). (November 23, November 27, November 30, December 4, December 7, December 11, December 14, December 18, 1907). Terjiman.
 Chto nuzhno Novomu Vremeni? (1907, March 19). Terjiman.
 Musul'mansaya fraktsia gosudarstvennoy dumy. (1907, March 19). Terjiman.
 Yacheika natsional-liberal'noi partii. (1908, April 22). Terjiman.
 Peterburg'dan ne keturdim? (1910, March 5). Terjiman.
 Gasprinskii ve Topchibashev fikri. (1914, February 20). Yoldyz.
 Vserossiiskii Musul'manskii s'ezd (August 16–21 1906). (1906). Kazan': s. n.
 Vserossiiskii Musul'manskii soyuz. Ustav Vserossiiskogo Musul'manskogo soyuza: prinyat v vtorom Vserossiiskom s'ezde musulman, 1906, Saint-Petersburg. (1906). Saint-Petersburg: s. n.
 Ivanchenko, A. V. (Ed.). (2008). Vyborny v I–IV Gosudarstvenniye dumy Rossiiskoi imperii. (Vospominaniya sovremennikov. Materialy i dokumenty). Moscow: s. n.
 Vysochaishe Utverzhdennoie 16-go iunia 1870 goda. Gorodovoye polozhenie s ob'iasneniiami. (1870). Saint-Petersburg: Khoz. depart. MVD.
 Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia. Programma partii Narodnoj svobody (konstitucionno-demokraticheskoj) [priniata na uchreditel'nom s'ezde partii 18 oktiabria 1905 g.; izmeneniia vneseny na 2-m s'ezde 5 ianvaria 1906 g. i na 7-m s'ezde 25 marta 1917 g.] (1917). Moscow: s. n.
 Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia. S'ezd (2; 1906). Protokoly 2-go S'ezda 5–11 ianvaria 1906 g. i Programma. (1906). SPb: Tip. t-va Obshchestvennaia pol'za.
 Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia. S'ezd (3; 1906; Peterburg). Protokoly 3-go S'ezda partii Narodnoj svobody (Konstitucionno-demokraticheskoj). (1906). SPb: Tip. t-va Obshchestvennaia pol'za.
 Konstitutsionno-demokraticheskaia partiia. Central'nyj komitet. Otchet Central'nogo komiteta Konstitucionno-demokraticheskoj partii (Partii narodnoj svobody) za dva goda s 18 oktiabria 1905 g. po oktiabr' 1907 g. (1907). SPb: Tip. t-va Obshchestvennaia pol'za.
 Miliukov, P. N. (1925). Nacional'nyj vopros (Proiskhozhdenie nacional'nosti i nacional'nye voprosy v Rossii). Praga: Svobodnaia Rossiia.
 Pervaia gosudarstvennaia дума (alfavitnyj ukazatel', podrobnye biografii i karakteristiki chlenov). (1906). M.: Tipografiia Tovarishchestva I. D. Sytina.
 Potresov, A., Maslov, P., Martov, L. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale HKH v. T. 4. CH. 2. Kn. 7. (1911). SPb: Tip. t-va Obshchestvennaia pol'za.
 Programma Musul'manskoj partii. (1907). SPb: s. n.
 S'ezdy i konferentsii konstitucionno-demokraticheskoj partii. V 3 t. T. 1. 1905–1907 gg. (1997). M.: Rossijskaia politicheskaja entsiklopediia.
 Otvet gazete "Ziya". (1883, October 12). Terjiman.
 Vazhnaia initsiativa. (1883, May 8). Terjiman.
 Zapiska kazanskikh musul'man. (1905, March 15). Terjiman.
 Krymsko-musul'manskoe sobranie. (1905, November 23, 25). Terjiman.

Musul'manskaia fraktsiia gosudarstvennoj dumy. (1907, March 19). Terjiman.

Research papers

Bessmertnaya, O. Yu. (2018). "The scarlet roses of the Orient": "Pan-Islamism", Orientalism, and spy-mania in the last peaceful years of the Russian Empire. An empire of intelligence? *Shagi/Steps*, 4(1), 9–44.

Bospflug, E. (2017). The Muslim "Federalist debate" in Revolutionary Russia. *Ab Imperio*, 1(4), 131–162.

Burbank, J. (2017). "An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire". *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(3), 397–431.

Ibragimov, G. G. (1926). Tatory v revoliutsii 1905. (Tatars in Revolution of 1905). Kazan': Gos. Izd-vo TSSR.

Iskhakov, S. M. (1997). Obshcherossijskaia partiia musul'man (all-Russian Muslim Party). *Istoriia natsional'nyh politicheskikh partij Rossii: Materialy konferencii*, 214–239.

Khalid, A. (1998). The Politics of Muslim Cultural Reform. Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press.

Kirmse, S. (2019). The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press.

Meyer, J. (2009). Division and alliance: mass politics within Muslim communities after 1905. Washington: National Council for Eurasian and East European Research, University of Washington.

Meyer, J. (2014). Turks across empires. Oxford: Oxford University Press.

Seniutkina, O. N. (2006). Tretij s'ezd musul'man Rossii (k 100-letiiu provedeniia). Nizhnij Novgorod: Izd-vo NIM «Mabnur».

Tikhonova, N. Ye. (2022). Isma'il Gasprinsky on integration of Muslims into socio-political space of the Russian Empire. *Minbar. Islamic Studies*, 15(3), 604–620.

Tuna, M. (2015). Imperial Russia's Muslims. Islam, empire, and European modernity. Cambridge: Cambridge university press.

Tuna, M. (2017). "Pillars of Nation": The Making of a Russian Muslim Intelligentsia and the Origins of Jadidism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18(2), 257–281.

Usmanova, D. M. (1999). Musul'manskaia fraktsiia i problemy «svobody sovesti» v Gosudarstvennoj Dume Rossii (1906–1917). Kazan': Master-lajn.

Usmanova, D. M. (2000). Istoriia nesostoiavshegosia al'iansa: k voprosu o vzaimootnosheniiakh musul'man s rossijskimi liberalami v Konstitutsionnyj period. *Ab imperio*, 3(4), 127–158.

Usmanova, D. M. (2014). Vserossijskie musul'manskije s'ezdy 1905–1907 gg. i obrazovanie musul'manskogo soiuza "Ittifik al'-muslimin". V kn.: Istoriia tatar s drevnih vremen v semi tomah. T. VII. Tatory i tatarstan v HKH – nachale XIX vv. (s. 78–83). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.